

Для большинства читателей имя «Г. А. В. Траугот» годы и годы как будто не соприкасалось с обширными тайнами. Но хорошо ли знали художников те, кто, казалось бы, знал о них все и всегда? И речь не о зыбко-таинственном, импрессионистичном характере творений, подписанных тройным именем.

Первый большой секрет — роль Траугота-старшего, отца знаменитых братьев. Он долго оставался художником не вполне ясным. Повлиял на сыновей, но каковы его собственные работы? Были совместные книги, или же инициал «Г» — только мемориальный? С некоторых пор есть отчетливые ответы. Работы Георгия Траугота выставляются, иногда — вместе с иллюстрациями, созданными всеми тремя художниками.

Другой секрет, куда больший — имя, роль и творчество супруги Георгия Николаевича. До 2012 года полотна Веры Яновой (которых, отметим, немало) не выставлялись перед широкой публикой. Когда же их наконец показали, отклики были, как говорят подчас, смешанными. Впечатляла судьба художницы, добровольный отказ от публичности, готовность демонстрировать работы лишь близкому кругу. Одновременно эту живопись посчитали «честной, но часто неуверенной, вторичной». Главную ценность усмотрели в том, что художница — часть легенды под названием Траугот. Не в ее работах.

Спустя более чем десятилетие секрет приоткрылся шире. Говоря точнее, мы имели возможность разглядеть это искусство, полнее осознать силу жизни и принципов его создательницы. А тогда, в 2012 году, писали, что работы арэфьевцев значительней произведений Яновой. Так или иначе, без вторых не случилось бы первых. Молодой Арэфьев впечатлялся полотнами Яновой — влияние было недолгим, но определяющим. У круга Трауготов Арэфьев заимствовал его тогдашнее название — Орден нищенствующих живописцев.

В сороковые и начале пятидесятых годов прошлого века «Орденом...» были пятеро — Вера Янова, отец и сыновья Трауготы, Михаил Войцеховский, усыновленный семьей и придумавший «Орден...». Георгия Николаевича в ту пору исключили из ЛОСХа, но сам он считал новую жизнь счастливой. Сыновей исключили из художественной школы, но образование они позже закончили и занялись искусством книги, которое их прославит. А Вера Янова затворилась от мира, неустанно трудилась, но результатами делилась лишь с самыми близкими — семьей и гостями дома.

Если бы Арэфьев и не заимствовал имя «Ордена...», в работах — его собственных и близких художников — отразилась живопись Яновой. Первая из ее тем (идет от мужа, иногда они писали буквально одни и те же места) — город. Дикий, подчас жестокий и грубый, словно не приспособленный для обитания. Но и там, где город яркий, даже радостный, он крайне самостоятелен. Человеческое присутствие на полотнах почти случайно, фигурирует как еще одна, не самая необходимая, часть пространства. Похожее видим и у арэфьевцев.

Следующая тема — собственно круг Трауготов, семья и гости. Первый и второй авангард в подобном контексте не прерываются — мы увидим и Якова Друскина, и Владимира Стерлигова. Живописные свидетельства фактически документальны, но одновременно — сновидческие. Такая повседневность не очень четко совпадает с определениями «эскапизм» или «семейная эмиграция» — как и город у Яновой, она самостоятельна. Настолько, что всего, чего стоило бы избегать, преодолевать — в целом не существует. И близкие, и гости обитают скорее в едином плане с героями религиозных работ, но не современниками.

Возможно, бытовые сцены арэфьевцев — дальние родственники похожих сюжетов Яновой. И уже совершенно точно в деятельности младших художников отразился ее своенравный жизненный стиль. Одно время она, в сущности, была самой «нищенствующей», принципиально не выставляясь, даже не стремясь к этому. Отец и сыновья Трауготы были не столь упорны, да и гость дома Стерлигов, которого принято записывать едва ли не в нонконформисты, все же рассчитывал на официальные выставки.

Лишь позиция арэфьевцев сходна с позицией вдохновившей их Яновой. И если учитывать, что именование «Орден...» более или менее распространяется на два круга, можно сделать небольшое допущение — считать Янову не только частью легенды Траугот, но и легенды под названием «арэфьевцы».

Текст начинался с тайны, вспомним о ней ближе к финалу. Нет желания напустить туман, но тайна как опыт переживания видится ядром искусства и жизни Яновой. По существу мы не знаем, почему она стала так рисовать, почему затворилась. Толкования в духе «эскапизма» или реакции на гримасы эпохи граничат с избыточной очевидностью. Эту мистерию невозможно до конца разгадать, она становится фактом созерцания.

В то же время у выставки есть понятные, в своем роде технические, параметры. Перед нами новое открытие Веры Яновой, материал по сути выстроен как ретроспектива, а такого еще не случалось. Показаны акварели — и техника в случае с таким художником становится исключительно живописной. Учившаяся на архитектора, Янова в некий момент глубоко и точно почувствовала живописный дар. На протяжении долгой и непокорной жизни она развивала именно его.

Кирилл Захаров